

ИССЛЕДОВАНИЯ

КОММЕНТАРИИ К ПОСЛАНИЮ СВ. АП. ПАВЛА К ГАЛАТАМ

Петр Александрович Коротков

кандидат экономических наук
старший преподаватель кафедры библеистики
Московской духовной академии
pkorotkov@bk.ru

Для цитирования: Коротков П. А. Комментарии к Посланию св. ап. Павла к Галатам // Библейские сохологии. 2024. № 4 (9). С. 98–121. DOI: 10.31802/BSCH.2024.9.4.006

Аннотация

УДК 27-248.3

Статья «Комментарии к Посланию св. апостола Павла к Галатам» представляет собой глубокое и всестороннее исследование одного из ключевых произведений Нового Завета, адресованного общинам в регионе Галатии. Автор работы проводит комплексный анализ Послания, уделяя внимание как историческим контекстам написания, культурным, так и теологическому значению текста для раннего христианства.

Ключевые слова: библеистика, апостол Павел, послание к Галатам, иудео-христиане, законничество, вера и закон.

Commentary on the Epistle of St. Paul to the Galatians

Peter A. Korotkov

PhD in Economics
Senior Lecturer of the Department of Biblical Studies
Moscow Theological Academy
pkorotkov@bk.ru

For citation: Korotkov, P. A. "Commentary on the Epistle of St. Paul to the Galatians". *Biblical scholia*, No 4 (9), 2024, pp. 98–121 (in Russian). DOI: 10.31802/BSCH.2024.9.4.006

Abstract. The article «Commentary on the Epistle of St. Paul to the Galatians» is an in-depth and comprehensive study of one of the key works of the New Testament addressed to the communities in the region of Galatia. The author of the work provides a comprehensive analysis of the Epistle, focusing on both the historical contexts of the writing, cultural and theological significance of the text for early Christianity.

Keywords: biblical studies, apostle Paul, letter to the Galatians, Judeo-Christians, legalism, faith and law.

Общие положения

Послание к Галатам является важнейшим памятником первенствующей церкви Христовой по его историческому значению и догматическому авторитету. Это Послание окончательно определило границу опасным колебаниям во взаимоотношениях с иудейством и догматически обеспечило абсолютную и истинно божественную независимость и спасительную жизненность христианства во всем мире.

Из Послания к Галатам мы можем много узнать о характере апостол Павла и его учении. Благодаря значимости тематики этого Послания оно играет ключевую роль при изучении хронологии деятельности и богословия апостол Павла. Послание к Галатам оказывало сильнейшее влияние на христианскую мысль и деятельность христиан на всем протяжении истории Церкви.

Вступление и почти все послание исполнено сильного негодования. Прибегая к строгости в других посланиях, как например, в Послании к Коринфянам, апостол Павел особенно строг к своим последователям в Послании к Галатам. И тому были важные причины.

Уверовавшие во Христа из иудеев, сами соблюдая отеческий закон и одновременно желая быть учителями других, внушали галатийским христианам, что должно обрезываться и соблюдать субботы и новомесечия, ссылаясь на учеников апостола Петра, которые не запрещали этого, снисходя к немощи иудеохристиан. Апостол Павел, проповедуя язычникам, не имел нужды в таком снисхождении. Когда же действительно было нужно, он и сам делал уступки: обрезал Тимофея и сам принял назорейство по закону (Деян. 16:3).

Проповедники закона смущали простодушных галатов и ставили в вину апостолу Павлу, что он то обрезывает, то отвергает обрезание и таким образом проповедует в одном месте одно, в другом — другое¹.

Именно поэтому, «воспылав духом» пишет апостол Павел Послание к Галатам, и прежде всего направляет свою речь против того, что говорили новые проповедники, подрывая его достоинство. Утверждением своего апостольства и своего божественного призвания и начинает апостол Павел свое Послание.

1 *Феофилакт Болгарский, свт. Благовестник. Кн. 3. М., 2004. С. 381. 880 с.*

Авторство Послания

Послание к Галатам было написано лично апостолом в состоянии большого душевного волнения. Другие послания он поручал секретарям и только в конце сопровождал собственноручными приписками. Послание к Галатам было им написано все целиком от руки (6:11).

Авторство Павла в Послании сомнений не вызывает (1:1; 5:2). В подлинности Послания никто из серьезных исследователей не сомневался. Выдержки из Послания к Галатам встречаются в самых ранних произведениях христианской письменности — в писаниях мужей апостольских. Первые цитаты из него встречаются у св. Климента Римского (90-е гг.). Во II веке его постоянно цитируют как церковные писатели, так и еретики². Но только это — собственно не цитаты, а несколько видоизмененное повторение мыслей, содержащихся в Послании. Чем далее, тем эти заимствования становятся яснее. В каноне Муратория и в Пешито оно уже находится как Послание апостола Павла³.

В середине XIX в. учеными — сторонниками отрицательной критики школы Баура, делались попытки отвергать подлинность этого Послания. Главные их доводы сводились к тому, это Послание, якобы, все свое содержание почерпает из Посланий к Коринфянам и к Римлянам. И появилось оно именно в то время, когда в христианской церкви обострилась борьба с иудейством, т. е. в начале II века.

Однако, оппозиция со стороны иудаизма могла существовать именно в I веке, когда еще только возникали церкви из язычников. После же, во II веке, противостояние иудаизма и Павлова благовестия было бы совершенно непонятно, т. к. миссионерская деятельность апостолов и их учеников по обращению язычников в лоно Церкви уже была завершена.

Кроме того, из писаний мужей апостольских видно, что среди христиан II в. вопрос об отношении к закону считался уже разрешенным в духе учения апостола Павла⁴.

Что же касается близости Послания к Галатам с Посланиями к Коринфянам и Римлянам, то это вполне объясняется появлением их примерно в одно и то же время и схожестью тех проблем, которые волновали тогда апостола языков.

2 Библия в Синодальном переводе с комментариями и приложениями. Вступительная статья к Посланию к Галатам. М., 2004. С. 1827.

3 Толковая Библия. Комментарий на все книги Святого Писания под редакцией А. П. Лопухина. Т. 2. М., 2001. С. 1160.

4 Там же.

Время написания Послания Галатам можно определить, выяснив его адресатов.

Адресаты Послания

Несомненно, что апостол Павел адресует свое Послание Галатийским христианам. Однако в то время слово «галатия» имело два разных значения. Галатией первоначально называлась внутренняя область Малой Азии (район Анкиры — современная Анкара, столица Турции), заселенная около 300 г. до Р. Х. кельтским племенем Галатов (Галлов), которые переселилась туда из Галлии (современная Франция) в третьем столетии до Р. Х.

Пришельцы заявили о себе бранными успехами и обеспечили таким образом свою территориальную независимость в Малоазийской стране. Заняв здесь прочное положение, они сохранили все свои воинственно-разбойничьи наклонности, став жестоким бичом для всей Малой Азии. Историк Тит Ливий описывает свирепых галатийских воинов, наводящих такой ужас, что все страны «были в равной степени готовы подчиниться их власти: они высокого роста, их длинные, крашенные в рыжий цвет волосы, непомерно длинные мечи, к тому же еще их боевые песни перед началом сражения, громкие выкрики, пляски, ужасный звук оружия, который получается от того, что они особенным образом стучат в щиты, — все это у них именно затем, чтобы внушать страх»⁵.

Галаты взимали дань даже с царства Селевкидов. Только Сирийский царь Антиох I (281–261 гг. до Р. Х.) дал им серьезный отпор, получив за это титул Сотира (спасителя). Некоторые библеисты именно к этому событию относят известие Второй Маккавейской книги «о бывшем в Вавилоне сражении против галатов» (2 Мак. 8:20).

Однако этот успех не был решительным. Важнее по своим результатам была энергичная оппозиция Пергамских царей, из которых Аттал I (241–197 гг. до Р. Х.), прозванный также Сотиром, несколько раз наносил галльским пришельцам жестокие удары и в конце концов заставил их ограничиться определенной территорией (на севере Вифинией и Пафлагонией, на востоке Понтом, на юге Каппадокией и Ликаонией и на западе Фригией), где они должны были довольствоваться национально-гражданской независимостью, не тревожа других и не вмешиваясь в чужие дела. Территория их владений простиралась более чем на 300 км. с юго-запада на северо-восток, гранича с Ликаонией

и Памфилией на юге, Вифинией, Пафлагонией и Понтом на севере, Каппадокией на востоке и Фригией на западе. Это восточная Галлия и называлась у греков Галлией или Галлогрецией. Так внутри Малой Азии на её возвышенностях образовалась, собственно, Галатия из прежней Великой Фригии, Каппадокии и даже Пафлагонии.

Местность эта была и остается довольно суровой, но она богатая и плодородная, а важность её увеличивается тем, что через неё проходил большой торговый тракт, который, направляясь из Ефеса, вел через Пессинунд, Анкиру и Птерику к Евфрату.

Все это давало галатам вполне благоприятные условия для мирного существования, но — по своим врожденным племенным привычкам — они не хотели довольствоваться спокойной жизнью и продолжали вмешиваться в дела соседних народов, привлекая к себе подозрительное внимание римлян. Несколько раз галаты сражались против власти Рима. В 190 г. до Р. Х. они выступили на стороне царя Селевкидов Антиоха III — Великого (223–187 гг. до Р. Х.) против Рима, но в 189 г. до Р. Х. потерпели поражение при Магнезии от римского консула Манлия Вульсона⁶.

Галаты осознали преимущества выступления на стороне Рима, и, когда командующий римской армией Помпей предпринял поход против Митридата V, они поддержали Помпея. Тот наградил их, предоставив Галатии статус вассального царства и расширив её границы на юг и на восток. Позже галатийский царь Аминта присоединил значительную часть Ликаонии и получил часть Киликии, называемую Киликией Суровой, а также значительную часть Писидии и Исаурии в качестве награды от Августа за помощь в битве при Актиуме. В результате территория Галатии занимала обширную область в южной части Малой Азии, которая этнически галатийской не была.

После того, как царь Аминта был убит в битве с гомонадами (25 г. до Р. Х.), воинственного племени, жившего в горах Тавра, Август, не доверив царство его сыновьям, превратил Галатию в римскую провинцию.

Римская провинция Галатия охватывала первоначальную этническую территорию (от Пессинунта на западе до Тавии на востоке), а также значительную часть других областей — Фригии, Ликаонии, Исаурии и Писидии и включала в себя города Антиохию Писидийскую, Иконию, Листру, Дервию, Исаурию и некоторые другие местности, обобщаемые в Деян. 14:6 термином «окрестности». Провинция Галатия подчинялась римскому легату, совмещавшему военную и гражданскую власти.

Однако там не было римских легионов, что позволяло говорить о некоторой (хотя бы и фиктивной) независимости⁷.

В 5 г. до Р. Х. Галатийская провинция была вновь расширена с присоединением крупного участка Пафлагонии на севере, а еще через три года — части Понта, названной Понтом Галатийским, чтобы отличать её от остального Понта, не принадлежащего Галатии⁸.

История Галатии показывает, что римское вторжение и владычество способствовало значительному расширению её первоначальных границ. В апостольскую эпоху площадь Галатийской провинции была гораздо шире этнической, собственно галльской области, входившей в неё лишь северной частью и включала больше территорий с безусловно не галльским населением. Из-за этого появляется возможность различать Галатию этнографическую, занятую галльскими пришельцами, и Галатию официально-римскую, или политическую с весьма смешанным составом жителей.

Отсюда возникает естественный и неизбежный вопрос: какую Галатию рассматривает апостол Павел в качестве объекта его миссионерского подвига и места первоначального предназначения нашего «Послания к Галатам»? Ответ на этот вопрос далеко не безразличен для правильного понимания апостольской истории и имеет принципиальное догматическое значение. Если апостол пользуется для обозначения адресатов римско-административной терминологией, то мы должны принять, что Галатией оказывается римская провинция этого имени в целом её составе, которой принадлежали и все (четыре) малоазийские города первого благовестнического путешествия Павла (кроме Памфилийских). В таком случае вполне дозволительно допустить, что христиане именно этих областей и были первыми получателями и первоначальными читателями Послания к Галатам.

Имеющиеся исторические данные не дают никаких оснований оспаривать это заключение. Принадлежность к Галатийской провинции удостоверяется для Антиохии — Страбоном, для Иконии — эпиграфическими документами из времен Клавдия и Нерона, для Листры — Плинием Младшим, для Дервии — Страбоном⁹.

И даже если допустить, что Послание к Галатам было написано после двукратного посещения их св. Апостолом (Гал. 4:13), то и в этом

7 *Глубоковский Н. Н.* Благовестие христианской свободы в Послании св. апостола Павла к Галатам. София, 1935. С. 11.

8 Мир Нового Завета. Т. 2. С. 159.

9 *Глубоковский Н. Н.* Цит. соч. С. 13.

случае получится, что оно было в числе самых ранних писаний Павловых. Тогда неизбежен вывод о том, что в миссионерской деятельности апостола Павла почти сразу возобладали резкие противоиудейские стремления, что фактически никак не подтверждается, так как книга Деяний рисует нам по данному вопросу совсем иную, больше даже противоположную картину.

Кроме того, подобный вывод лишает фактической мотивировки полемическую остроту миссионерской и священно-писательской деятельности апостола Павла в постепенно развивающейся и осложнявшейся иудаистической агитации, грозившей поглотить, или, по крайней мере, принизить христианство. Именно поэтому апостольская оппозиция является исторически оправданной и догматически спасительной.

Без этого постулата возникает законный повод для догадок, что вся полемика апостола Павла вытекала исключительно из ренегатского предубеждения против иудейства во всем его религиозно-этическом устройении. И, следовательно, нисколько не отражает действительных межрелигиозных отношений, которые были совсем иными. Подобный контекст неизбежно выводит на историческую сцену «фанатическую» фигуру апостола Павла, как «первого Маркиона», несогласного ни с подлинным Евангелием Христа Спасителя, ни с истинным учением Его прямых преемников и «столпов» церкви¹⁰.

Таким образом ясно, что ранняя датировка Послания к Галатам, дает чисто Гегелевскую картину апостольского века в духе Новотюбингенской школы, с самыми разнообразными комбинациями, и существенно изменяет наши представления о ходе апостольской работы вообще и всего церковного созидания в первенствующую эпоху.

Из всего вышесказанного становится ясно, что чисто этнографическое определение адресатов Послания к Галатам имеет высокую историко-догматическую важность. Следовательно, требуется научно разобрать и точно выяснить, к какой именно Галатии обращается апостол Павел со специальным Посланием исключительной догматической важности. Для этого рассмотрим более подробно важнейшие пункты, связанные с Посланием, которые могут пролить свет на поставленный выше вопрос.

Несомненно, что термин Галатия употреблялся в апостольскую эпоху для всей Малоазиатской провинции, судя по данным у Птоломея (V, 4), Плиния Младшего (V, 146–147) и Тацита (II, 9)¹¹. Что касается

10 Там же.

11 Глубоковский Н. Н. Цит. соч. С. 16.

апостола Павла, то в его посланиях мы можем найти лишь два примера официальной номенклатуры в отнесении Филипп к Македонии (2 Кор. 11:9; Флп. 4:15 и сл.) и в распространении объема Иудеи на всю Палестину с Галилеей и Самарией (Гал. 1:22; 1 Фес. 2:14). Однако во втором случае апостол Павел мог разуместь просто фактическую область преобладающего господства иудейской веры, для которой вся Палестинская территория была Иудеей — в религиозном смысле.

Часто у апостола официальное и популярное значения оказываются одинаково пригодными в отношении Македонии (1 Фес. 1:7; 4:10; 1 Кор. 16:5; 2 Кор. 1:16; 2:13; 7:5; 8:1; Рим. 15:26; Флп. 4:15), Азии (1 Кор. 16:19; 2 Кор. 1:8) и Ахаии (1 Фес. 1:7; 2 Кор. 1:1; 9:2; 11:10; Рим. 15:26), объединяемой с Македонией и как будто разобщаемой от Афин (1 Кор. 1:16; ср. 16:15). Однако последнее мыслимо лишь для народного употребления вопреки официальной классификации. Сирия и Киликия (Гал. 1:21; ср. Деян. 15:23, 41) тоже отмечаются без официально-административной точности: Сирия в качестве римской провинции обнимала еще Галилею с Иудеей (Мф. 4:24; Лк. 2:2; Деян. 18:18; 20:3; 21:3), но Иудея отмечается у апостола отдельно (Гал. 1:22)¹².

В любом случае нельзя забывать того, что Галльская область, находящаяся в районе Галатии и давшая свое имя всей провинции, оставалась её центральной частью, сколько бы последняя ни расширялась. Поэтому потребовались бы весьма серьезные аргументы, чтобы назвать этим именем местность, не включающую коренное ядро римской провинции. Тем более если это относится даже не к территории (Галатия), а к конкретным лицам (галаты) (Гал. 3:1). Но подобного рода аргументов не находится в апостольском Послании.

Некоторые ученые-библеисты, сторонники южно-галатийской теории, замечают, что в Послании к Галатам Варнава, якобы, предполагается известным для читателей (Гал. 2:13), а это возможно лишь для жителей Ликаонско-Писидийского региона, где он сопутствовал апостолу Павлу в его первом благовестническом путешествии. Однако это остается лишь предположением, которое не оправдывается аналогиями. Так, в таком же значении оказывается Варнава и перед Коринфянами (1 Кор. 9:6), хотя у нас нет сведений, что он был там и при том вместе с апостолом Павлом.

Поэтому следует согласиться с тем, что Варнава упоминается в рассматриваемом Послании лишь в качестве апостольского авторитета,

12 Глубоковский Н. Н. Цит. соч. С. 18.

о котором особо подчеркивается, что даже и он увлекся лицемерием (2:13). Варнава рекомендуется читателям послания как равноправный с самим апостолом Павлом (2:9), далеко превосходящий других его сотрудников (2:1). Но для ссылки на авторитетное лицо, вероятно известное в ранней церкви, совсем не обязательно личное знакомство с ним, как это происходит и в отношении апостола Петра (1:18), также не бывавшего в Галатии.

Обращение апостола Павла к читателям, что он не уступил иудеистам и энергично боролся за евангельскую свободу, «дабы истина благовествования сохранилась у вас» (2:5), комментируется сторонниками южно-галатийской теории так, что будто во время Иерусалимского собора галатийские читатели уже были озарены христианским светом и описываемый здесь подвиг предпринимался ради них, чтобы сохранить полученное ими прежде истинное учение. А это может быть применимо лишь для Писидийско-Ликаонских христиан, ибо из всех жителей Галатийской провинции именно они были обращены до Апостольского собора и потому могли быть на нем объектом защиты апостола Павла.

Однако вряд ли есть достаточные основания утверждать, что апостол Павел боролся специально для галатийских читателей. Вернее будет предположить, что дело касалось принципиальных доктрин, обязательных и спасительных для каждого христианина, потребных всем и непреложных всегда. Очевидно, что апостол подвизался в Иерусалиме по соображениям принципиальным и ничуть не руководствовался частными запросами. Поэтому, объективно рассматривая благовестнические труды апостола Павла, мы неизбежно должны допустить, что в цитируемом месте апостольского послания предполагаются все, для кого была дорога Евангельская независимость от законнических стеснений иудаизма, а это касается всей совокупности христиан, даже не только из язычников¹³.

Следует заметить также, что апостольские определения Иерусалимского собора были своевременно переданы в Писидийско-Ликаонском округе самим апостолом Павлом (Деян. 16:4), во всяком случае раньше написания Послания к Галатам. При этом были сделаны все необходимые разъяснения, непосредственно касавшиеся слушателей, раз прямо сказано, что тамошние «церкви утверждались верою и ежедневно увеличивались числом» (Деян. 16:5). В то же время в Послании к Галатам сообщение апостола Павла производит впечатление неслыханной

13 Глубоковский Н. Н. Цит. соч. С. 18–19.

ранее новости, жизненно важной для читателей послания. Ведь автор даже не намекает, что здесь лишь простое напоминание, как это специально подчеркивается в других случаях (см., например, Гал. 1:13; 5:21).

Исходя из контекста Послания и по силе всего сказанного мы обязаны принять, что о передаваемых в Послании к Галатам подробностях адресаты осведомляются впервые, и потому это не может относиться к Писидийско-Ликаонским христианам, которых апостол Павел, конечно, информировал давно о предметах столь существенной важности для них.

Никак не подходит к этим христианам и обращение «несмысленные галаты» (Гал. 3:1), потому что жители Писидийско-Ликаонского региона не могли иметь в свой крови «галатийских» примесей и упорно удерживали свой местный жаргон (Деян. 14:11). Исторические данные свидетельствуют, что в Малую Азию перебралось всего лишь около 20 тысяч галат вместе с женщинами и детьми¹⁴. Этого количества было недостаточно и для, собственно, Галатийской территории в ее первоначальных границах, где в основном оставалось местное население, среди которого преобладали фригийцы с постепенным и незначительным прибавлением к ним греков, евреев и римлян. Взаимная племенная ассимиляция была медлительна и слаба. Галатийцы, господствуя над всей своей страной, жили за счет труда местного населения, которое обрабатывало землю за известное доленое участие в прибыли. Галатийская знать селилась по своим укрепленным поместьям, среди которых был и главный галатийский город — Анкира. Остальные галаты в мирное время вели пастушескую полукочевую жизнь.

Таким образом, несомненно, что термин «галат» — не географический, а этнографический. Вероятно, он появился на греческом побережье в Массалии (современный Марсель), основанной около 600 года до Р. Х. Означает это имя «мужественный, храбрый, благородный». Между тем, под термином «галл» указывается просто воинственность. Оба эти названия лишь в позднейшую эпоху различаются у греческих писателей: первый применяется к малоазийским галатам, а второй — к обитателям Галлии или Франции¹⁵.

Во всяком случае, термин «галат» во времена апостола Павла продолжал сохранять строго этнографический характер и потому его было невозможно применить для всего разнородного населения Галатийско-римской провинции.

14 Глубоковский Н. Н. Цит. соч. С. 20.

15 Глубоковский Н. Н. Цит. соч. С. 21.

Кроме того, следует заметить, что Послание апостола Павла не носило официального характера, а представляло собой дружескую беседу учителя со знакомыми ему по национальности учениками. А потому странно было бы со стороны апостола Павла обезличивать их по общей административной номенклатуре.

Важно еще и такое наблюдение. Послание адресуется «церквам Галатии» (ταῖς ἐκκλησίαις τῆς Γαλατίας). Греческий член при первом слове неотразимо убеждает, что разумеются строго определенные христианские общины известного национального состава. Таким образом, апостол Павел апеллирует не к отвлеченным «церквам в (провинции) Галатии» или — просто и безразлично — к «церквам Галатийским», а именно к избранному кругу людей данного племени, которые будут читать его послание, как прежде они же внимали его устному благовествованию (Гал. 1:6; 4:13 сл.). Апостол хорошо знает своих читателей, потому что это — его дети по духовному рождению во Христа (Гал. 4:19), и точно называет их «галатами» (Гал. 3:1). Очень странно было бы такое обращение к ликаонцам или писидийцам, которые, конечно, не имеют галатийских расовых свойств.

Теперь обратимся к обстоятельствам, которыми сопровождалась благовестническая проповедь апостола Павла. В соответствии с Деяписателем посещение Писидийско-Ликаонской стороны проводилось в связи с известным планом и осуществлялось, несмотря на отпадение молодого помощника — Марка. В Галатии же апостол Павел задержался по «немощи плоти» (Деян. 4:13), то есть непредвиденно, и начал здесь благовествовать вопреки своим первоначальным предположениям.

Сторонники южно-галатийской теории стараются представить болезнь апостола как особую местную малярию, периодически свирепствовавшую по низменному Памфилийскому побережью. По их версии апостол, захватив там болезнь, будто бы поспешил для своего поправления на здоровую возвышенность около Антиохии Писидийской, где затем и произошли описанные в послании к Галатам события. Но если они имели столь важное миссионерское значение, то почему они пропущены у Деяписателя при его подробном рассказе о том периоде?

С другой стороны, молодому и здоровому Марку было бы совсем преступно покинуть немощного апостола Павла в Памфилии (Деян. 13:13). А самому апостолу Павлу сразу после выздоровления было бы не по силам перенести тяжелые физические испытания с избиением чуть не до смерти (Деян. 14:19–20).

Самым же главным является то, что болезнь апостола Павла стала непредвиденным поводом Галатийского миссионерства: неожиданного

по возникновению и тем более отрадным по результату. Всего этого нельзя отнести к Писидийско-Ликаонской проповеди, как неприложимы к ней и трогательные слова апостола Павла о первом его визите в Галатию (Гал. 4:14 и сл.). Ведь благовестническая деятельность в Писидии и Ликаонии сопровождалась столь жестокими тяготами, что до конца дней своих апостол не забывал о гонениях и страданиях, постигших его в Антиохии, Писидии и Листрах, и перенес их лишь благодаря помощи Божией (2 Тим. 3:11).

Наконец, в Ликаоно-Писидийском регионе в христианских общинах изначально было довольно много иудеев, что потребовало даже некоторых особых приготовлений (см. Деян. 16:3). Напротив, среди Галатов доминировали язычники, которым в Послании апостола Павла уделяется почти исключительное внимание.

Повод и цель написания Послания

Поводом к написанию Послания послужило совращение, или только начавшееся склонение, галатийских христиан к непременному соблюдению для спасения требований ветхозаветного закона — обрезания и других чинów ветхозаветной церкви — пришедшими к ним, вероятно из Палестины, лжеучителями из иудеев, принявших веру во Христа. Эти иудействующие были явными противниками апостола Павла, который отзывался о них в высшей степени презрительно. Он называет их церковными смутьянами Евангелия Христова (1:7; 5:10). Упрекает их в оппортунизме, лицемерии и суетности (6:12 и сл.).

Требуя от галатийских христиан соблюдать Закон Моисеев, иудео-христиане убеждали, что, только благодаря им галаты могли ознакомиться с истинным Евангелием (1:6), что учение, проповедуемое апостолом Павлом, было не полным (3:3). Что только через исполнение закона Моисеева и через принятие обрезания язычники могут стать потомками Авраама и наследниками данных этому патриарху божественных обетований и вечного блаженства (3:6 и сл.). При этом, однако, они не заставляли галатов исполнять все предписания Моисеева закона, а только главные — именно постановление об обрезании и соблюдении иудейских праздников (4:10; 5:2).

Одновременно с проповедованием своего благовествования в особой иудаистической форме они стремились всячески дискредитировать апостола Павла в глазах галатов. Так, они указывали на то, что апостол Павел не был непосредственным учеником Господа Иисуса Христа,

между тем как за ними, иудеистами, стояли апостолы, призванные Самим Христом, наиболее авторитетные в христианской церкви, столпы христианства (1:8; 11). Все, что в учении апостола Павла хорошего получено от этих столпов, а его личное учение — не что иное, как произведение его фантазии (1:12).

Кроме того, утверждали они, самим своим апостольским положением апостол Павел обязан посредничеству первоапостолов (1:1) и потому его апостольство — низшего ранга. Он якобы и сам признал это, когда представил на рассмотрение первоапостолов свое учение, во время пребывания в Иерусалиме (2:2).

Они убеждали галатов, что апостол Павел такой человек, который может обмануть слушателей своим ораторским искусством (1:10), что он ищет всякими способами себе популярности (1:10) и иногда не стесняется сам проповедовать, где это для него выгодно, необходимость обрезания (5:11).

Вот как святой Златоуст представляет хитрословие иудейских проповедников: «Некоторые из уверовавших иудеев, — пишет он, — но державшиеся иудейства, и вместе надменные честолубием, желая присвоить себе достоинство учителей, пришли к галатам и учили, что должно обрезываться, хранить субботы и новомесечия и не принимать Павла, все сие отвергающего, чего, напротив, не запрещают, говорили они, Петр, Иаков и Иоанн, первоверховные апостолы и со Христом бывшие, чего и в самом деле они не возбраняли. Впрочем, они поступали так не потому, чтобы хотели защищать обычаи иудейские, но только по снисхождению к слабости уверовавших из иудеев. А Павел, как учитель языков, не находил нужды в таком снисхождении. Впрочем, когда был в Иудее, там и он также делал снисхождение. Но лжеучители, не открывая причин, по которым он и другие апостолы делали сие снисхождение, обольщали слабых, говоря, что не должны слушать Павла, ибо он только вчера или еще ныне явился, Петр же и сущие с ним суть первейшие апостолы, притом он — апостольский ученик, а те Христовы, он один, а тех много, и еще столпы Церкви. Они обвиняли Павла и в лицемерии, говоря, что и его самого, который отвергает обрезание, видели иногда исполняющим иудейские обряды и что иначе он проповедует вам, иначе другим»¹⁶.

Таковыми речами лжеучители сумели воздействовать на галатийских христиан и те стали склоняться на их убеждения. Когда апостол Павел

16 *Иоанн Златоуст, свят.* Творения в русском переводе. Т. 10. Кн. 1. Толкование на Послание к Галатам. СПб.: Изд. СПбДА. 1904. С. 730.

писал Послание к Галатам, они уже готовы были стать на сторону законнического иудейства (1:6), принять обрезание (5:2 и сл.) и начали уже праздновать иудейские праздники (4:10). Апостол Павел был поражен случившейся с галатами метаморфозой (3:1; 5:7). По тону, речи и образу изложения Послания можно заключить, что апостол Павел опасался совершенного отпадения, но вместе с тем был уверен, что его слово найдет должное понимание и потому остается надежда на возвращение галатов к правоте.

В словах «я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос» (4:19) подразумевается, что, хотя лик Спасителя помутился в их сознании, но уклонившиеся приняли только некоторые из правил иудейской религиозной жизни, следовательно, положено только начало иудейству. Слова «малая закваска заквашивает все тесто» (5:9) дают понять, что еще далеко не все принято из внушения развратителей.

О случившемся в Галатии апостол узнал скоро (1:6) и своим Посланием спешит захватить болезнь на первых порах, в надежде на скорое врачевание. Галатия становилась ареной той борьбы, от исхода которой зависела судьба целого мира. То, что после произошло в Коринфе и Риме, было только заключением к этой великой борьбе, только отзвуками её.

В Послании к Римлянам уже не чувствуется такого боевого настроения, какое господствует в Послании к Галатам: там слышится спокойный голос человека, уже одержавшего победу над иудаистами. А в Послании к Галатам апостол Павел выступает со всею страстностью борца за свою идею и под свежим впечатлением излагает галатам дело спасения как оно есть, в противоположность ложным внушениям. Он писал это Послание своей рукой (6:11), вероятно, чтобы не встречать замедления и перерывов со стороны переписчика, и «все послание, точно, есть воодушевленная, непрерывно текущая речь, в которой доводы, убедительные для разума, перемешиваются всюду с внушениями, могущими затрогивать струны сердца», — пишет святитель Феофан Затворник¹⁷.

Таким образом, целью апостола при написании Послания к Галатам было защитить и восстановить собственный свой апостольский авторитет, и утвердить в сознании галатов мысль, что для христианина не нужен вовсе закон Моисеев и обрезание, ибо и без этого он становится наследником всех обетований, данных Аврааму. Святой Иоанн Златоуст пишет: «увидев, что весь народ воспламенился, и возжжен

17 Феофан (Затворник), *свт.* Толкование послания апостола Павла к Галатам. М.: Изд. «Правило Веры». 2005. С. 24.

великий пожар в Галатийской Церкви, и что самое здание ее колеблется и угрожает падением, — апостол, и справедливым гневом, и скорбию объятый, — ибо он и сие объявил, говоря: «хотел бы я теперь быть у вас и изменить голос мой» (4, 20), — пишет сие Послание, отвечая на все обвинения»¹⁸.

Время и место написания Послания

Исходя из апостольских трудов апостола Павла, можно сделать непреложный вывод, что Послание к Галатам написано им во время пребывания его в Ефесе. Ибо из самого Послания мы должны признать, что упоминаемая апостолом Павлом первая у них проповедь (4:13) непременно предполагает и вторую, а само Послание написано вскоре после последнего посещения Галатии. Из книги Деяний известно, что второе посещение галатийских Церквей было во время третьего проповеднического путешествия апостола Павла (Деян. 18:23), перед его долгим пребыванием в Ефесе. Поэтому Послание не могло быть написано раньше того времени, когда апостол Павел, побывав во второй раз в Галатии, перешел в Ефес. Как видно из Послания к Галатам, оно не могло быть написано слишком много спустя после удаления апостола из Галатии: апостол Павел удивляется, что галаты «так скоро» переходят на сторону его противников (1:6). Это «скоро» относится не к первому посещению галатов, когда они обратились к вере, а после второго, когда апостол Павел утверждал их в вере.

Для того, чтобы более точно определить время написания Послания к Галатам необходимо обратиться к хронологии путешествий апостола Павла. Вспомним, что в Коринфе он был в первый раз после 52 года и встретил там Акиллу и Прискиллу, высланных по указу, данному в этот год (Деян. 18:2). В Коринфе апостол пробыл полтора года. Святитель Феофан предполагает, что надо положить один год на возвратный путь, посещение Иерусалима и Антиохии, а потом, в третье апостольское путешествие, посещение основанных им церквей в Ликаонии, Фригии и Северной Галатии (Деян. 18:18–23). Следовательно, прибытие апостола Павла в Ефес падает на 55 год.¹⁹ Исходя из вышеуказанных хронологических выводов, написание Послания к Галатам можно приурочить к 55 году.

18 Иоанн Златоуст, *свт.* Цит. соч. С. 731.

19 Феофан (Затворник), *свт.* Цит. соч. С. 24.

Содержание Послания

Приветствие (1:1–5). Надпись и приветствие в Послании к Галатам отличаются от других посланий апостола Павла тем, что в них введены положения, раскрывающие содержание самого Послания. Кроме обычного названия отправителя и его адресатов, а также приветствия, оно содержит два богословских утверждения, которые предваряют центральные темы Послания.

Во-первых, св. Павел не только называет себя апостолом, как в других посланиях, но дважды отрицает всякое человеческое участие в установлении его апостольства и заявляет, что он призван к благовестию непосредственно Богом, что будет иметь в дальнейшем важное значение в Послании (1:1).

Во-вторых, апостол Павел подчеркивает значение Креста Христова в искуплении грехов и освобождении от зла нынешнего века (1:4). Крест остается в центре богословского содержания всего его Послания (2:19,21; 3:1,13; 4:5; 5:11,24; 6:12, 14, 17) и служит единственным путем к спасению.

Подобное внесение в приветственную часть Послания сторонних мыслей, относящихся к содержанию Послания, апостол Павел допускал и после в Послании к Римлянам и в Послании к Титу.

Начало Послания (1:6–10). Приступая к самому Посланию, апостол Павел указывает, что заставило его писать Послание и определяет его предмет.

Послание вызвано внезапной переменой мыслей у галатов об образе спасения, о котором благовествовал апостол (1:6–7), а предметом Послания является утверждение непреложности проповеданного им Евангелия. В своем стремлении возратить галатов к прежнему образу верования апостол Павел показывает, что учение им проповеданное никем не может быть изменено (1:8–10).

Вступительная часть (1:11–2:21). Проповедники, смущавшие галатов, попытались унижить апостола Павла в их глазах, утверждая, что он не был учеником, следовавшим за Иисусом Христом во время его земной жизни, и потому научился Евангелию от других апостолов. Впоследствии же стал учить несогласно с ними и отступать от их учения, утверждая о ненужности закона Моисеева для дела спасения, а потому лучше держаться бывших с апостолом Петром как самовидцев.

Апостол Павел вынужден был обратить свою речь против подобных несправедливых внушений, иначе появившиеся в душах галатов

предубеждения против него мешали бы им принять те доказательства истинности Евангельского учения, которые он намеревался предложить им. С этой целью он утверждает, что проповедуемое им Евангелие принято им от Самого Господа Иисуса Христа (1:11–16), так как в связи с особыми обстоятельствами его жизни он никак не мог научиться ему у кого-либо из апостолов (1:17–24). Затем говорится о том, что его учение не отличается от учения других апостолов, бывших со Христом, которые поэтому подали «руку общения» ему и Варнаве (2:1–10). Наконец, апостол Павел на примере противостояния апостолу Петру показывает, что он далек от лицемерия и всегда действует по Евангелию, не взирая на авторитеты (2:11–21).

Вероучительная часть (3:1–5:12). Очистив себя от нареканий и восстановив свое апостольское достоинство, апостол Павел вразумляет галатов по поводу того, какую большую ошибку они сделали, склоняясь от веры во Иисуса Христа к Моисеевому закону. При этом он доказывает, что для язычников галатов закон не нужен, ибо первоначальный завет Господа с Авраамом был еще до получения Моисеем скрижалей закона, и данное при этом благословение распространяется через Иисуса Христа на всех язычников (3:1–14). Далее апостол Павел разъясняет, в чем состоял смысл дарования евреям закона, который явился «детоводителем (παιδαγωγός) ко Христу» и все крестившиеся во Христа являются по первоначальному обетованию семенем Авраамовым и его наследниками (3:15–29).

Наконец, апостол Павел убеждает галатов возвратиться к истинной вере, всячески склоняя их к покорности Иисусу Христу и призывая всегда ревновать о добром, которое они получили в результате первоначального благовествования. Апостол призывает галатов быть верными не только в присутствии самого апостола Павла (4:1–5:12). При этом подчеркивается, что праведность не достигается законом, но путь спасения открыт помимо закона и состоит — и для иудеев, и для язычников — в следовании за Христом.

Нравоучительная часть (5:13–6:10). После вероучительной части апостол переходит к нравоучительной части послания. Начинается эта часть Послания с призыва апостола к деятельной взаимной любви и духовной жизни в борьбе со страстями и похотями. Апостол предостерегает, чтобы, освободившись от уз закона, христиане не злоупотребляли полученной свободой во Христе, и не ходили в волях своего сердца подчинившись страстям и похотям. Но добровольно наложили бы на себя благое иго — иго любви к ближнему своему (5:13–25).

Затем, вполне вероятно, апостол обращается к предстоятелям галатийских церквей — адресатов Послания — духовным лицам с наставлением исправлять согрешающих в духе кротости, со смирением носить тяготы друг друга. Определяет каковы должны быть отношения учителя к ученику. При этом апостол Павел предостерегает от тщеславия, призывает быть внимательным к нуждам других, при этом не возвеличивая себя самого (5:26–6:6).

В качестве заключения нравоучительной части Послания апостол предлагает укрепляться в вере и не забывать об имеющихся побуждениях к духовной жизни и всякому доброделанию (6:7–10).

Заключение Послания (6:11–18). В заключение своего Послания апостол Павел еще раз произносит горькую жалобу на своих противников — иудействующих — и объявляет, что для него лично крест Христов — есть единственная ценность его жизни. Подчеркивая, что данное Послание написано его собственной рукой, апостол Павел напоминает галатам о своих страданиях и «язвах Господа Иисуса» (6:17) на своем теле, что сильнее любых доводов должно удостоверить его учеников в истине проповедуемого им учения.

Соотношение веры и закона

Во вступительной части Послания к Галатам апостол Павел вспоминает о нескольких путешествиях в Иерусалим. Таких путешествий до написания Послания к Галатам было три (см. Деян. 11, 15 и 18 главы). Несмотря на имеющиеся разные точки зрения в православной библеистике, господствующим утвердилось мнение, что в Гал. 2:1 речь идет о путешествии, о котором упоминается в 15 главе книги Деяний, именно путешествие на так называемый Апостольский собор. За такое предположение говорит и согласие отдельных моментов описания пребывания апостола Павла в этот раз в Иерусалиме, как они излагаются здесь и в Книге Деяний.

Апостол Павел в своем Послании не излагает историю Иерусалимского собора, а говорит только, что отправился в этот раз «по откровению», которое могло быть либо ему самому, либо кому-либо из христиан Антиохии. Апостол Павел предложил Иерусалимской церкви и её наиболее уважаемым представителям свое Евангелие, которое он проповедовал язычникам. И старейшие апостолы — Иаков, Кифа и Иоанн, которых апостол Павел называет «столпами», подали «руку общения»

ему и Варнаве, как проповедникам Евангелия среди язычников (2:9). При этом они не потребовали обрезания от сопровождающего апостола Павла Тита, христианина языческого происхождения (2:3), и вообще, «не взирая на агитацию лжебратьев» (2:4), не возложили на апостола Павла ничего более, только чтобы они «помнили нищих» (2:6, 10). Тем самым, члены собора не только дали согласие на то, что апостолом Павлом уже было сделано среди язычников, но признали и равноценность его апостольского служения.

Далее апостол Павел рассказывает, что в Антиохии ему пришлось противостоять самому апостолу Петру, что наглядно свидетельствует о равенстве его и старших апостолов. Причем, он был не только равен им, но в некоторых случаях был вернее истине Евангельской, чем они. На соборе в Иерусалиме апостол Павел противостоял непримиримым иудаистам, защищая свободу христиан из язычников. Поведение же в Антиохии свидетельствует о его убеждении, что несмотря на формальное решение собора по поводу язычников, иудео-христиане тоже были принципиально свободны от требований Моисеева закона.

В науке существует спор, где кончается речь апостола Павла к апостолу Петру в Антиохии и где начинается догматическое учение Послания к Галатам²⁰. По-видимому, четкую грань провести трудно и потому вполне возможно, что весь отрывок 2:146–21 представляет собой речь, обращенную к апостолу Петру. Но при любом понимании этот отрывок является переходом от исторической части Послания к Галатам к его догматической части. А события, которые произошли в Антиохии, выражают основную догматическую тему Послания к Галатам: принципиальное соотношение закона и веры в деле спасения.

Как уже отмечалось выше, необходимость разъяснения этого вопроса возникла в связи с тем, что в Галатии появились агитаторы из иудео-христиан, которые учили, что для спасения христианам необходимо соблюдать требования Моисеева закона. Считая этот вопрос принципиальным, апостол Павел утверждает: «если законом оправдание, то Христос напрасно умер» (2:21). Далее он подробно разъясняет, в чем именно состоит противоположность между требованиями закона и спасительной верой, которую принес Иисус Христос.

Предваряя свое объяснение, апостол Павел задает риторический вопрос: каким образом галаты получили Духа Святого: через дела закона или через наставление в вере (3:2)? Ответ на этот вопрос не вызывает

20 Кассиан (Безобразов), еп. Христос и первое христианское поколение. М., 2003. С. 283.

сомнений: ибо галаты, будучи язычниками, не могли знать, а тем более должным образом соблюдать требования иудейского закона. Значит Евангелие апостола Павла, основанное не на требованиях соблюдения закона, а исключительно на вере, истинно. Мало того, апостол Павел доказывает, что это Евангелие изначально существовало в Священной истории еврейского народа.

Праведность Авраама — родоначальника еврейского народа — основывалась на вере: «Авраам поверил Богу и это вменилось ему в праведность», — говорит апостол Павел (3:6). Иудейский закон появился намного позже, но Священное писание именно в Аврааме предвозвестило благословение всем народам (3:8), а не только иудеям, соблюдающим данный через Моисея закон.

Апостол Павел считает важным обратить внимание, что Священное Писание говорит о благословении, данном не только самому Аврааму, но и семени его. «Не сказано: «и потомкам», как бы о многих, но как об одном: «и семени твоему», которое есть Христос» (3:16). Впоследствии, первоначальное благовестие было подтверждено устами пророка Аввакума: «праведный своею верою жив будет» (3:11=Авв. 2:4).

Тогда для чего же был дан закон? — справедливо ставит вопрос апостол Павел. И отвечает на него: «Он дан после по причине преступлений, до времени пришествия семени, к которому относится обетование» (3:19). Таким образом, значение закона определяется, как значение временное (3:19–25), а сам закон представляет собой «приспособление Бога к человеческой немощи»²¹ и имеет своей задачей выявление греха, ибо перед судом закона грех стал преступлением.

В Послании к Галатам слово «закон» употребляется 32 раза, а слово «свобода» (вместе с однокоренными словами) 11 раз. Привлекательность аргументов иудео-христиан состояла отчасти в том, что ветхозаветный Закон дает четкие этические ориентиры. Между тем свобода бывает разной: свобода от греха, от своих обязанностей и контроля, свобода любви и служения. В любом случае, свобода оставляет «дверь открытой» для распущенности, что, видимо, и произошло в Галатии²².

Сам ветхозаветный закон, будучи святым, праведным и благим сохранил в себе все желанные сокровища для спасения и по всему этому он несомненно был «заповедью к жизни» (Рим. 7:10) и подателем её. «Оставалось только воплотить этот идеал, — и искомая цель достигалась

21 Кассиан (Безобразов), еп. Цит. соч. С. 284.

22 Реймонд Браун. Введение в Новый Завет. Ч. 2. М.: Библейско-Богословский институт св. Апостола Андрея, 2007. С. 76.

безусловно», — пишет Н. Н. Глубоковский²³. Апостол Павел говорит: «Если бы дан был закон, могущий животворить, то подлинно праведность была бы от закона» (3:21).

Но тут и начинается дисгармония, ибо апостол Павел усматривал, что «делами закона не оправдывается никакая плоть» (2:16), даже при самых напряженных и искренних усилиях. А раз так, бесплодность зависит не от нашей ограниченности и слабости — корень её в самом законническом институте. Для него обязательно пунктуальное и непрерывное исполнение всего написанного в книге Закона, чтобы творить это во всей дробности и мелочности (Втор. 27:26=Гал. 3:10). При этом всякое минимальное отклонение будет оскорблением его святости и неизбежно повлечет наказание. Закон говорит с категорической неизбежностью: кто исполнит закон тот жив будет (Лев. 18:5=Гал. 3:12).

Однако внутренний и беспристрастный душевный опыт каждого человека неотразимо свидетельствует, что для подобного делания не хватает сил. В плотяности человека совсем не находится доброго (Рим. 7:18), в ней царственно живет грех (Рим. 7:17), и человек оказывается продан ему (Рим. 7:14) и автоматически покорным его мано-вениям в своем нравственном поведении (Рим. 7:20). В итоге для законнического преуспевания у человека остается одно голое желание добра: «Желание добра есть во мне, но, чтобы сделать оное того не нахожу» (Рим. 7:18). Понятно тогда, что законническое делание фактически тщетно и выражается в напрасных потугах и истощающих усилиях. Потому законническая «непорочность» фарисейской совести не спасает от смертельного поражения.

В практическом отношении законничество весьма близко подходило к язычеству и отличалось от него разве по степени. «Было бы вопиющей и жестокой неправдой думать, что в эллинизме не находилось зародышей добра в смысле его разумения и стремления к нему, — пишет Н. Н. Глубоковский. Наряду с этим, и здесь было то же несчастье, что фактически они неосуществимы и оставались лишь светлой мечтой, которую жизнь принижала и заслоняла ежеминутно»²⁴.

Поэтому апостол Павел отклонение галатийских эллино-христиан к законничеству прямо называет возвращением к прежним немощным и бедным стихиям (4:9), каким они были поработены в период до-благодатного детства (4:3). Вместо ожидаемой праведности получалось

23 Глубоковский Н. Н. Благовестие св. Апостола Павла по его происхождению и существу. Библейско-богословское исследование. Кн. 1. СПб., 1905. С. 126.

24 Глубоковский Н. Н. Цит. соч. С. 129.

беспощадное осуждение: «Все утверждающиеся на делах закона находятся под клятвою» (3:10).

Абсолютно святой по своей цели, в практическом употреблении законнический институт приводит к смерти (Рим. 7:10). В этом противоречии и взаимной исключаемости лежит роковая беда беспомощности закона. На неё и указывает апостол с особенной выразительностью, если дважды (Рим. 3:20 и Гал. 2:16) изречение псалма: «И не входи в суд с рабом Твоим, потому что не оправдается пред Тобой ни один из живущих» (Пс. 142:2) приводит с изменением и дополнением, что во веки «не оправдывается» никакая плоть делами закона²⁵.

Таким образом, человек, пробудившись от своего морального сна и желая жить по заповедям закона, фактически постигает лишь свою фатальную беспомощность и неизбежно тяготится ею. Поэтому завет Синайский по своему существу был агарянско-рабским учреждением (4:24–25), обострившим положение человека путем своего нравственного отрезвления: чем усерднее человек стремится к исполнению закона, тем безнадежнее становилось его отчаяние, ибо для него все отчетливее обрисовывается гнетущая безысходность.

Недаром апостол Павел в критические моменты своего противостояния Петру в Антиохии открыто свидетельствовал о неотразимом познании врожденной тщетности законнического оправдания и связывал с этим свой переход к вере (2:16). Проникаясь скорбным убеждением в тщетности законничества, апостол Павел невольно восклицал: да, смертоносно это служение письмам, начертанным на камнях (2 Кор. 3:7).

Тоскливое чувство безысходности исполнения закона смягчается у апостола Павла светлой мыслью, о том, что закон был пестуном во Христа (3:24). Поэтому о неверном народе сказано несомненно: «так весь Израиль спасется, как написано: «придет от Сиона избавитель, и отвратит нечестие от Иакова»» (Рим. 11:26=Ис. 59:20). Апостол Павел напоминает об этом и галатам в своем Послании: «Ибо написано: «возвеселись неплодная, нерождающая; воскликни и возгласи, не мучившаяся родами: потому что у оставленной гораздо более детей, нежели у имеющей мужа» (4:27=Ис. 54:1).

Однако с пришествием Иисуса Христа положение человека перестало быть безнадежным и с помощью веры преодолевается безысходность исполнения закона. Апостол Павел разъясняет галатам,

что по пришествии веры мы уже не находимся под руководством де-товодителя — закона (3:25). «Мы заключены были под стражею закона до того времени, как надлежало открыться вере», — пишет апостол Павел (3:23). Пришествие веры — есть конец закона.

Положительное значение веры сказывается в том, что верующие во Христа усыновляются Богу (3:26–28). Все человеческие различия стираются, и все верующие становятся одним человеком во Христе. Как считает епископ Кассиан (Безобразов), в ст. 28 русский перевод «вы одно во Христе» не соответствует подлиннику. В лучших рукописях мы видим не *ἐν ἑστέ*, а *ἓς ἑστέ*: «вы один» (человек). Таким образом речь идет об одном человеке Христе. Здесь мы снова встречаемся с мыслью о Церкви, как теле Христовом, которая прослеживается в Первом послании к Коринфянам (10:7; 12:27). Это единство и создается верою, которая запечатлевается крещением (Гал. 3:27)²⁶.

Значение веры проявляется и тогда, когда мы осознаем, что все верующие являются семенем Авраамовым и его наследниками по обетованию (3:29). Другими словами, на верующем человеке исполняются обетования данные Аврааму, и он таким образом вступает в полноту наследственных прав сына (3:29–4:7). Мысль о спасении через усыновление спасаемых Богу прослеживается и в других посланиях апостола Павла (Рим. гл. 8; Ефес. 1:5 и др.).

В понимании апостола Павла вере отводится главная роль в деле спасения и потому она занимает важнейшее место во всем его богословии. Однако было бы неправильно видеть в вере одно только её умозрительное содержание и понимать её только как «символ веры». В учении апостола Павла понимание веры гораздо шире и предполагает достижение всей полноты духовной жизни. Она выражается в стремлении того, кто верит, к совершенному единению с тем, в кого он верит. И потому с верою неразрывно связана любовь. Именно в таком понимании вера есть начало христианского единства в деле домостроительства спасения человека.

26 Кассиан (Безобразов), еп. Христос и первое христианское поколение. М., 2003. С. 285.